

ЭКОНОМИКА

УДК 332.1: 332.012.2

С.В. Степанова

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

Рассмотрены методологические подходы к трансформации социально-экономических систем регионального и национального уровней. Раскрыто влияние внешних и внутренних факторов на трансформационные преобразования социально-экономических систем. Обосновано доминирование внешних факторов над внутренними в логике трансформационных преобразований региональных социально-экономических систем (приграничных). Предложена концептуальная модель трансформации региональной социально-экономической системы в контексте эволюционной теории.

Ключевые слова: трансформация; региональная социально-экономическая система; трансформация региональной социально-экономической системы; внешняя среда; эволюционная теория.

В условиях глобализации и интеграционных процессов, происходящих в мировом сообществе и изменяющих траектории развития национальных и региональных социально-экономических систем, научные исследования все более сосредотачиваются на исследованиях трансформационных преобразований, запускаемых влиянием внешних и внутренних воздействий на систему. Раскрывая суть *трансформационного процесса*, взгляды исследователей сходятся в понимании трансформации как *количественно-качественных изменений*, происходящих в системе и приводящих либо к утверждению качественно новой системы, либо к ее распаду, признавая *необратимость происходящих процессов*: возврат в исходное состояние невозможен в силу уже произошедших преобразований [1–3]. Однако содержание, этапы и процесс протекания трансформационных преобразований имеют ряд существенных отличий, подчеркивая различный генезис и характер происходящих изменений.

Так, согласно Л. Стебляковой, *трансформация социально-экономической системы* осуществляется посредством *перехода функционального состояния системы* (сохранение относительно стабильного состояния, устойчивость и системные качества, порядок системы) *по мере накопления изменений*. В модели С. Зубенко *развитие трансформационного процесса* происходит по причине *рождения возмущения (трансформатора)*, вызывающего деформацию системы и множественные цепные деформации ее структурных элементов (подсистем) [2]. Причиной трансформации социальных систем (может быть применено и к социально-экономическим системам) становится приближение показателей развития основных подсистем к предельно-критическим величинам, когда общество находится в состоянии кризиса, уровень рисков при этом возрастает, и для своего сохранения система объективно нуждается в изменении неадекватных механизмов ее функционирования [4]. Согласно А. Мартынову, *процесс экономической трансформации* осуществляется *в значительной мере в результате отображения технологических трансформаций*, ряда внеэкономических и в ограниченной мере институциональных процессов [5].

В качестве необходимого требования развития *трансформационного цикла* Г. Ивлева подчеркивает *необходимость полного завершения структурных преобразований*, обосновывая утверждение логикой развития хозяйственной системы: нерешенные системные проблемы в будущем потребуют гораздо больше ресурсов, провоцируя неравномерность и фрагментарность развития экономического пространства [3]. В противном случае непройденный социально-экономической системой (как на национальном, так и на региональном уровне) полный путь трансформационных изменений выводит систему на путь незавершенных трансформаций, сдерживая развитие, приводя в ряде случаев к «ручному» управлению социально-экономическими процессами.

В этой связи применение концепций транзитивной экономики, допускающих возможности полной имплантации, перехода к «заданным» желаемым институциональным образцам извне национальной экономической системы, на практике показали неудачу институционального строительства, несмотря на огромные экономические и социальные потери [5]. В качестве общего изъяна транзитологических концепций А. Мартынов выделяет недооценку наблюдаемой незавершенности процесса трансформации национальной экономики, игнорирование его объективной непрерывности, искусственное отделение институциональных трансформаций от всех остальных трансформаций, в первую очередь технологических, ресурсных и организационных [Там же].

Согласно Я. Корнаи (рассмотрение развития бывшей социалистической системы и обобщение опыта смены бывшего социалистического строя в европейских странах), главный отличительный признак системной трансформации заключается в *кардинальном изменении корневых институтов*: институты политической власти, собственности и хозяйственной координации, *которые определяют функционирование остальных звеньев институциональной системы* в ходе трансформационных преобразований [6].

Следует заметить, что в большинстве научных исследованиях, посвященные вопросам трансформации социально-экономических систем, раскрывают про-

исходящие процессы на национальном уровне, а также в контексте изменений постсоветского пространства в процессе перехода к рынку. Исследования региональных социально-экономических систем характеризуются фрагментарностью разработок, и в силу отсутствия научного консенсуса в отношении основополагающих подходов к исследованиям трансформации [5] систем отсутствует единая теоретическая платформа для системного охвата предмета исследования и целостного научного видения вне контекста региональных особенностей [7].

Исчерпание неоклассической теории экономического роста в ее традиционном понимании А. Мартынов обуславливает принятием упрощающих допущений ради алгебраических выкладок, приводящих к эффективным, хорошо интерпретируемым результатам, игнорированием сложности реальных взаимодействий многообразных процессов, присущих современному экономическому развитию [5. С. 5–6]. Поскольку объектом исследования признанных теорий современного экономического развития, характеризующихся явной структурной доминантой, выступают сложные структурные динамические ряды, фиксирующие изменения технологий, институтов, организаций и самих многообразных ресурсных переменных, обращение к *трансформационной парадигме экономического развития*, заключающейся в раскрытии феномена экономического развития через призму взаимосвязанных трансформационных процессов, представляющих собой долгосрочные изменения в экономических структурах в пространстве и времени, является вполне логичным [Там же. С. 6]. Е.М. Мартишин предлагает исследование природы, механизмов функционирования и развития социально-экономических систем проводить в плоскости понимания закономерностей экономической эволюции [8]. Фокус внимания настоящей статьи направлен на исследование концептуальных основ трансформации социально-экономической системы в русле эволюционной парадигмы, отражающей современное направление развития экономической мысли.

Требует пояснения применение в современных экономических исследованиях, раскрывающих проблематику развития социально-экономических систем разного уровня, экономического роста, терминологии, заимствованной из биологической науки и отражающей ее основополагающие идеи. Ричард Р. Нельсон и Сидней Дж. Уинтер определяют данное обстоятельство как «выбор, принадлежащий экономистам по праву наследования в силу того влияния, которое труды нашего предшественника Мальтуса оказали на мышление Дарвина» [9. С. 29], подчеркивая, что применение биологических аналогий осуществляется не ради самих аналогий и прогресса построения абстрактной эволюционной теории, но обусловлено необходимостью нового осмысления стоящих перед современной наукой экономических проблем и задач. Так, в широком смысле термин «эволюционный» включает изучение процессов долгосрочных поступательных изменений, признавая важность непрерывности экономического процесса с возможностью резких

изменений. Наблюдаемые в текущей деятельности закономерности интерпретируются не как результат решения статической задачи, но как результат действия поддающихся осмыслению динамических процессов движения от известных или правдоподобно представляемых состояний, имевших место в прошлом, а также как характеристики арены, на которой под воздействием тех самых динамических процессов возникнет совсем другое будущее» [9. С. 29–30].

Обращение к трансформационной парадигме способствует восполнению «белых пятен» (проблем взаимодействия различных экономических секторов, включая находящиеся далеко за пределами сферы реальной экономики), возникающих в рамках преобладающих экономических концепций. Обращаясь к развитию национальной экономической системы, опосредованному тремя различного рода трансформациями: микро-, мезо- и макро-, А. Мартынов акцентирует внимание на их взаимосвязи, исходящей из логики системных позиций: совершенно неправомерно применение возможности разложения макротрансформаций на ряд микротрансформаций в силу порождения качественно новых эффектов, проявляющихся в дополнительных экономических сдвигах на более высоких уровнях системной иерархии, тем самым подчеркивая относительную автономность и их взаимную обусловленность [5].

Стремление системы под воздействием различных факторов внешней и внутренней среды к *стабилизации функционального состояния, к упорядочиванию самоорганизации* вынуждает социально-экономическую систему к их преодолению и трансформации. Одновременно следует подчеркнуть *беспрерывный характер возмущений*, когда система в *каждый момент времени бомбардируется* внешними и внутренними воздействиями, не ждущими окончания перерождения системы для начала нового воздействия. Таким образом *система всегда находится в состоянии трансформационного непрерывно продолжающегося процесса, преобразуясь под воздействием факторов внешней и внутренней среды*.

В этой связи особое значение приобретает утверждение А. Мартынова о *процессе трансформации* определенной национальной экономики, как всегда *одновременно непрерывном и незавершенном*. При этом трансформационные сдвиги в любой национальной экономике представляют собой постоянный во времени процесс, неизменно сопровождающий развитие экономических систем, пока они существуют [5]. Отрицание непрерывности воздействий (внутренних и внешних) приводит в логический тупик, к формированию утопии, не подкрепляемой реалиями современной экономики.

Согласно С.А. Суспицыну, реальная динамика роста российских регионов подчиняется двум основным факторам: «генетически обусловленным» (внутренним) условиям региона и «наведенным» (внешним) факторам, вызванным импульсами программно-проектных решений крупных корпораций или государства, последние из которых затрагивают ограниченное число регионов, например освоение шельфа

Сахалина или Олимпиада в Сочи. В последнем случае для таких регионов общим итогом в контексте межрегиональных сравнений может быть либо кратковременный всплеск экономической активности с его затуханием за пределами реализации подобных проектов, либо перевод экономики на новый уровень развития [10]. К системе активов (факторов развития территории и роста благосостояния), имеющих значение для развития региональной экономики, относятся [11]:

1) общие факторы (географическое положение, демография, климат);

2) факторы пространственного развития (система расселения, инфраструктура, каркас развития территории);

3) факторы ресурсной обеспеченности (природные условия и обеспеченность природными ресурсами, экологические условия и состояние окружающей среды);

4) факторы экономического развития (факторы производства, производственный и финансовый капитал) и социальные активы (социально-политическая стабильность, частно-государственное партнерство, квалификация и трудовые ресурсы, социальная инфраструктура).

Однако следует уточнить, что для российских регионов, особенно для приграничных, внешние воздействия связаны не только с возмущениями, имеющими внутригосударственный генезис и внешними по отношению к региону, но возникающими за пределами территории государства, что обуславливается спецификой ее экономико-географического и геополитического положения регионов. Так, ряд исследователей выделяют влияние эндогенных (внутренняя политическая ситуация в стране) и экзогенных факторов (геополитическая ситуация в мире) [12]. Доминирование внешних факторов над внутренними в логике трансформационных преобразований региональных социально-экономических систем наиболее ярко проявляется в практике приграничных российских регионов, специфика развития которых во многом детерминирована функциями государственной границы.

Так, в условиях господствовавшей долгое время идеологии «железного занавеса», развития барьерной функции границ многие приграничные регионы превратились в окраинные периферийно-депрессивные территории [Там же]. Усиление контактных функций государственных границ, с последующим их преобладанием над барьерными [13], раскрыло перед подобными субъектами совершенно иные возможности, проявляющиеся в усилении международных социально-экономических связей в условиях активизации процесса международной интеграции и кооперации. Исследователями выделяется, что положение населения по отношению к центральным местам более высокого ранга испытывает глубокую трансформацию при смене противоположных функций границы. Так, населенные пункты попадают в гравитационные поля заграничных городов, которые искусственно пытаются увеличить свое влияние на них в целях усиления интеграционных процессов [12]. Согласно К.А. Морачевской, приграничные с Белоруссией регионы могут выступать в качестве площадок для реализации целей

сопредельного государства в развитии экономических отношений в двух аспектах: в первом случае – как связующее звено в отношении с Москвой или играя роль пробных площадок для выхода на российский рынок, во втором – для развития бизнеса, где проявляется стимулирующее влияние наличия трансграничных градиентов [14].

Принимая во внимание взаимозависимость и взаимовлияние факторов внешней и внутренней среды, отражающихся в особенностях функционирования общества, следует учитывать [4]:

– защитный механизм компенсации потерь за счет привлечения дополнительных ресурсов;

– «эффект синергии», когда определенное сочетание факторов приводит к тому, что реальная сила их комбинированного воздействия значительно отличается от суммарного воздействия каждого из них в отдельности (более мощное или, наоборот, более слабое воздействие);

– «принцип домино», когда процессы в обществе достигают той «критической точки», после которой наступает цепная реакция последствий. Причем их последовательность и жесткая заданность делают нейтрализацию такой обвальной реакции ресурсоемкой и трудновыполнимой.

Таким образом, осуществление трансформационных преобразований социально-экономических систем регионального уровня осуществляется в исторически сложившейся (сформированной) структуре региона (генотип) при непрерывном воздействии внешних и внутренних факторов, некоторые из которых в определенные временные периоды могут становиться лимитирующими.

В данной статье предлагается концептуальный подход к трансформационным преобразованиям социально-экономической системы регионального уровня (приграничной) в контексте эволюционной парадигмы, отражающий процесс перехода от функционирования «старой» региональной социально-экономической системы к функционированию и развитию *качественно новой* социально-экономической системы посредством последовательного прохождения двух фаз трансформации: *структурной трансформации* и *пространственной трансформации* (рис. 1). Взаимное непрерывно-бомбардирующее влияние факторов постепенно приводит к разрушению целостности системы, потере согласованности функционирования отдельных ее элементов, вынуждая систему к формированию нового адаптационного механизма воспроизводственного процесса.

Переход на иной уровень социально-экономической системы, меняющий качество пространства, происходит под воздействием внешних факторов, поскольку изменение внешней среды требует изменения функций самой системы, что влечет за собой структурную перестройку экономической системы (включая технологический и социальный аспекты). В связи с изменениями у подсистем появляются новые функции, изменяется характер взаимодействия между элементами системы (институтов, резидентов, нерезидентов и пр.), что приводит к формированию новой социаль-

но-экономической системы [7]. Предлагаемая *первая фаза «Структурная трансформация»* включает в себя два этапа:

1) *системный* – поиск решения системных проблем и появление новых высокоэффективных предложений, идей;

2) *структурный* – на основе новых предложенных идей формирование новых ядер экономического роста и институтов для координации субъектов.

Вторая фаза «Пространственная трансформация» включает следующие два этапа:

3) *проектный* – изменение размещения производственных сил, появление новых сетей и инфраструктурных проектов;

4) *трансформационный* – изменение структуры потоков, концентрации роста и институтов для координации субъектов.

Особого внимания требует исследование влияния генотипа среды – внутренних условий региона, выражаемых в генезисе структуры региональной экономики, нормативной и институциональной средах, доминирующих в обществе идеологических установках, укладе, хозяйственном порядке, оказывающем тормозящее или стимулирующее влияние на процесс трансформации социально-экономической системы. В структуру цивилизационного генотипа Е.М. Мартишин включает духовную сферу, социально-политический строй, государственно-правовое устройство, исторический фактор, экономический и технологический способы производства. Экономический генотип трактуется как «идеальная» (образец, норма) всеобщность, «вневременность» общества, включающая в себя его прошлый опыт, социальную память, зафиксированные в социально-экономической культуре общества [8].

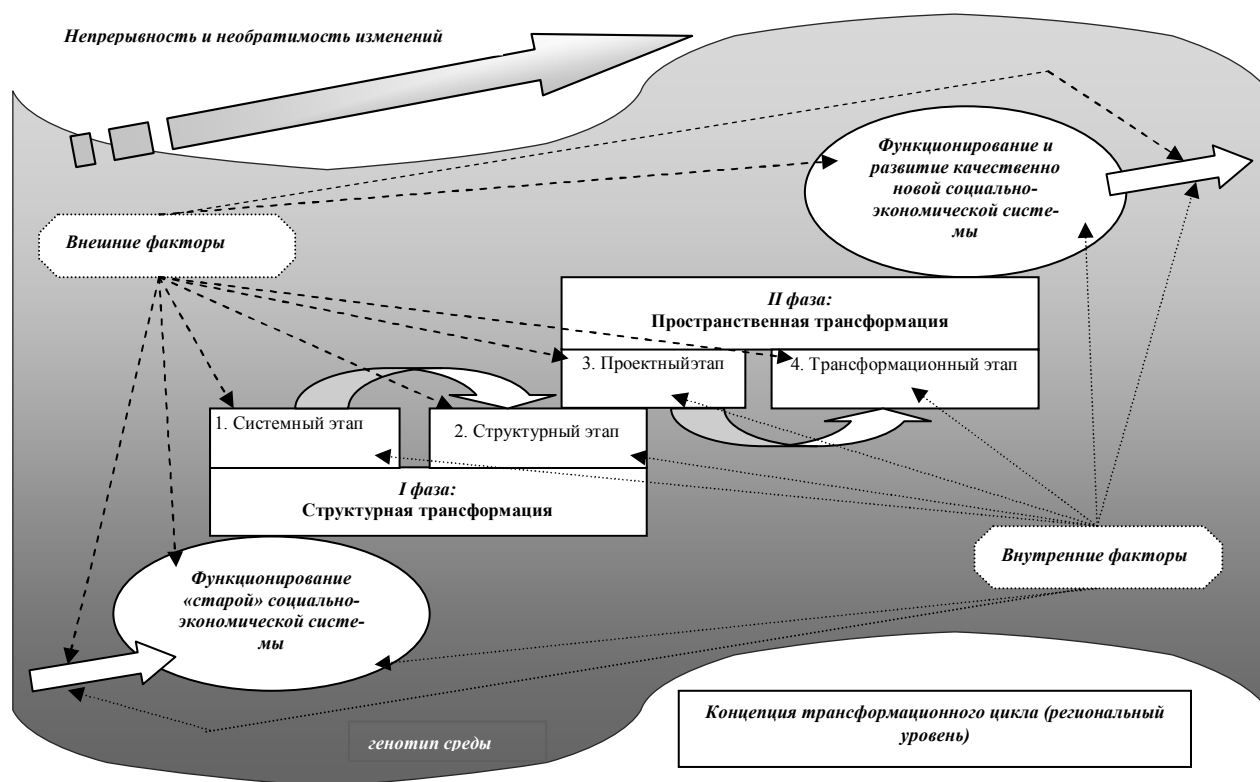

Рис. 1. Схема концепции трансформационного цикла (региональный уровень)

Именно генетические факторы обуславливают динамику развития региона, основанную на собственных потенциях и успешности совершенствования институтов, в том числе наводимых государственной социально-экономической политикой [10]. Социально-экономический генотип может изменяться под воздействием внешних и внутренних факторов, что проявляется в фенотипических признаках моделей мировой экономической системы [8]. При исследовании трансформационного процесса социально-экономической системы регионального уровня следует учитывать, что российские регионы относятся к разным фенотипным группам («региональные фенотипы» – устойчиво воспроизводимые типы и уровни регионального развития, последовательное движение

по которым сопровождается качественными изменениями экономической, институциональной и социальной структуры региона), что определяет и разные траектории их развития [10]. Согласно Е.М. Мартишину, экономический генотип – это взаимодействие экономического генотипа и внешней и внутренней среды развития, совокупность свойств и признаков экономики страны и региона, формирующихся в процессе их индивидуального развития. Экономический ген как единица наследственности детерминирует развитие определенных признаков и свойств экономической системы, контролирует формирование конечных результатов хозяйственной системы, является носителем идентификации генотипа в последующем развитии. Генетическая структура представляет собой

«наследственную программу», которая реализуется в последовательных стадиях и ступенях организации единицы эволюции, характеризуется стадийной разверткой уровней генотипа, закодированных в них смыслов и институтов [8]. Согласно С.А. Суспицыну, значение имеет наличие «генетического сценария», т.е. задержавшиеся в развитии страны и регионы, не ограниченные естественными или искусственными барьерами к саморазвитию, рано или поздно выходят на путь лидеров и в части институциональных условий развития, и в части эффективности функционирования экономики, и в части жизненного уровня населения. В понятие «саморазвитие» вкладывается потенциальная готовность региона (подтверждаемая, в том числе, и динамикой развития в предшествующие периоды) к переходу к другому фенотипу развития, как правило, более высокого уровня, который обеспечивается всем комплексом институциональных, ресурсных и структурных условий, которыми уже обладает часть регионов, входящих в данный фенотип. В этой связи движение в направлении градиента, указанного лидерами (принцип *step by step*), проходит с возможными зигзагами и возвратами, поскольку логика нормативных подходов не учитывает в полной мере законов и пропорций саморазвития [10].

Трансформация, согласно Л.П. Стебляковой, – не просто самораскрытие систем, актуализация заложенных в ней потенциалов, изменение состояний, форм функционирования, а переход системы на иной уровень функционирования, прежде недоступный и невозможный. Целостность трансформации и достижение синергетического эффекта могут сдерживаться отсутствием необходимого количества хозяйствующих субъектов, способных к адаптации к рынку и системным изменениям, к самоорганизации, фрагментарностью экономики по степени открытости экономической системы и внутренних связей [1]. Е.М. Мартишин, обращаясь в логике незавершенных процессов, подчеркивает, что «страны могут не проходить необходимые ступени социально-экономической эволюции или проходить их не в полной мере, в таком случае генотипические закономерности этой ступени и формирование ее институтов переносятся на последующее развитие, происходят мутации генотипов стран и регионов [8]. В быстро меняющихся условиях особую трудность представляет процесс изменения (особенно быстрого) идеологических установок общества, обеспечивающих саморазвитие и самовоспроизводство новой социально-экономической системы, а также преодоление инертности общества, обусловленных закономерностями его функционирования.

Согласно логике исследования переход от структурной трансформации к пространственной осуществляется посредством инфраструктурных изменений, включая реализацию инфраструктурных проектов, сетевых и инновационных проектов [7].

Полизначность толкования экономической категории «сеть», порожденная сложностью и неоднозначностью объекта изучения, ставит перед исследователями сетевого феномена важную методологическую задачу по уточнению подхода к трактовке данного

понятия в рамках проводимой ими исследовательской работы. В широком смысле сеть следует относить к социально-экономическим системам с определенным образом построенными связями, характеризующимися высокой степенью интенсивности между отдельными ее элементами, в качестве которых могут выступать как отдельные индивиды, фирмы, некоммерческие организации, правительственные учреждения, так и их группы. Межорганизационные сети понимаются как система контрактов между экономическими агентами в границах одной и более социально-экономических систем, отличающихся взаимосогласованным и устойчивым характером, направленных на достижение общих долгосрочных целей посредством мобилизации, комбинирования и использования ресурсов, компетенций, знаний. Большинство исследователей подчеркивают исторический, естественный характер возникновения сетей, рассматривая сетевые объединения на принципах системности, открытости и самоорганизации, ряд ученых отмечают возможность организации сетей «сверху-вниз» (например, стратегическая сеть, сеть создания ценности), когда подбор акторов осуществляется в соответствии с заданными ролями [15].

В общем виде процесс формирования сети разделяют на три этапа [16]: 1) предварительный этап, на котором потенциальные партнеры идентифицируют друг друга и определяют условия возникновения сетевых отношений; 2) этап выявления направления сотрудничества и построения отношений, на котором участники сетей на основе личных ценностей выдвигают общую цель; 3) этап структурирования, на котором организуются различные структуры для поддержки кооперативных мероприятий и происходит «затвердевание» отношений. Р. Майлз и Ч. Сноу выступают основоположниками подхода, рассматривающего сетевую структуру в качестве организационной формы или «стратегического организационного решения». На основе проведенных эмпирических исследований авторы пришли к заключению, что сетевая структура организации – результат ответных шагов менеджмента в обеспечении соответствия вызовам внешней среды [17]. Основными причинами к трансформации организационной структуры являются стремление компании к экспансии новых рынков, в том числе международных, экономии на издержках и получению доступа к стратегически важным ресурсам: знаниям и компетенциям. Сетевое сотрудничество фирм в данном контексте предполагает интеграцию цепочек создания ценности в точках взаимного интереса. Формирование сетевых связей – естественный процесс в эволюции организационной структуры фирм под влиянием стремительно меняющихся условий хозяйствования [15].

Резюмируя, следует акцентировать внимание на многообразии методологических подходов к исследованию трансформации социально-экономических систем регионального и национального уровней. Предложена концептуальная модель, основывающаяся на гипотезе эволюционного характера трансформаций социально-экономических систем под воздействием внутренних и внешних факторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стеблякова Л.П. Трансформация экономических систем: теория и практика : автореф. ... д-ра экон. наук. М., 2010. 54 с.
2. Зубенко С.А. Сущность трансформации социально-экономической системы региона // Вестник ГТУ. 2008. Вып. 12 (68). С. 495–499.
3. Ивлева Г.Ю. Трансформационный цикл и структурная перестройка экономики России: новая модель макроэкономического регулирования // Кризис и структурная трансформация экономики России / под общ. ред. В.И. Кушлина. М. : Изд-во РАГС, 2010. С. 66–86.
4. Локосов В.В. Стабильность общества и система предельно-критических показателей его развития. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/948/712/1217/010LOKOSSOV.pdf>
5. Мартынов А. Об обновленной концепции экономической трансформации // Общество и экономика, 2011. № 4, май. С. 5–36.
6. Корнаи Я. Социалистическая система: политическая экономия коммунизма. М. : Вопросы экономики, 2000.
7. Степанова С.В., Толстогузов О.В. Трансформация региональной социально-экономической системы: концептуальная модель // Труды Карельского научного центра РАН. 2013. № 5. С. 12–21.
8. Мартишин Е.М. Стратегии моделей социально-экономической эволюции: общее и специфическое // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012. № 36. С. 148–153.
9. Нельсон Ричард Р., Уинтер Сидней Дж. Эволюционная теория экономических изменений / пер. с англ. М. : Дело, 2002. С. 536.
10. Суслицын С.А. Эволюция территориальной структуры Сибири в генетическом сценарии развития экономики // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2014. Т. 3, № 1. С. 29–39.
11. Толстогузов О.В. Междисциплинарная экспертиза обоснованности стратегий развития региона // Экономика и управление. 2012. № 1 (75). С. 31–35.
12. Новиков А.Н., Новикова М.С. Региональные особенности приграничного положения юго-восточного Забайкалья // Ученые записки Казанского государственного университета. 2008. Т. 150, кн. 3. С. 229–240.
13. Жабров А.А., Межевич Н.М., Леонтьева А.Н. Развитие приграничного сотрудничества – цель и совокупность задач стратегического развития Северо-Запада Российской Федерации // Псковский регионологический журнал. 2011. № 12. С. 3–9.
14. Морачевская К.А. Приграничность и периферийность как факторы социально-экономического развития приграничных с Белоруссией районов России // Региональные исследования. 2010. № 4. С. 61–69.
15. Большачев О.Н., Михайлов А.С. Особенности трансформации сетевых объединений в экономике // Балтийский регион. 2014. № 3 (21). С. 41–55.
16. Gray B. Conditions Facilitating Interorganizational Collaboration // Human Relations. 1987. № 38. P. 911–936.
17. Möller K.E., Svahn S. Managing strategic nets: A capability perspective // Marketing Theory. 2003. №3 (2). P. 201–226.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 11 февраля 2015 г.

TRANSFORMATION OF THE REGIONAL SOCIO-ECONOMIC SYSTEM IN THE CONTEXT OF THE EVOLUTIONARY PARADIGM: A CONCEPTUAL MODEL

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 171-177. DOI 10.17223/15617793/393/27

Stepanova Svetlana V. Institute of Economic Studies of Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: svkorka@mail.ru

Keywords: transformation; regional socio-economic system; transformation of regional socio-economic system; external environment; evolutionary theory.

The paper presents methodological approaches to the study of the transformation of the socio-economic system of regional and national levels. The views of researchers converge in the understanding of transformation as a quantitative and qualitative changes in the system which lead to a qualitatively new system, or to its disintegration, recognizing the irreversibility of the processes: a return to the original state is impossible because of the changes that have already happened in the system. However, researchers define that the content, steps and process of transformational changes have a number of significant differences, emphasizing a different genesis and nature of the changes which take place in the regional or national systems. The paper demonstrates the influence of external and internal factors on the transformation of socio-economic systems. The dominant influence of external factors on the internal logic of transformational changes of cross-border regional socio-economic systems is justified, specifics of which are largely determined by the functions of the state border. The system tries to stabilize the functional state under the influence of various factors in the external and internal environment, to streamline the self-organizing forces of the socio-economic system to overcome them, which leads to the transformation of the system. At the same time, the continuous nature of the perturbation should be emphasized when at any given time the system is bombarded by external and internal forces, not waiting for the end of the degeneration of the system to start a new action. Thus, the system is always in a state of continuous transformation under the influence of external and internal factors. The paper provides a conceptual model of the transformation of the socio-economic system at the regional level in the context of the evolutionary theory. The proposed phases of "structural transformation" and "spatial transformation" involve two stages. Switching to a different level of the socio-economic system which changes the quality of the space is influenced by external factors as changes in the environment require changes in the functions of the system, which entails a restructuring of the economic system (including the technological and social aspects). Due to changes in the subsystems there appear new features, the character of interaction between the system elements (institutions, residents, non-residents, etc.), which leads to the formation of a new socio-economic system. Transition from structural transformation to space transformation takes place using infrastructure development, including the implementation of infrastructure projects, network and innovation projects.

REFERENCES

1. Steblyakova L.P. *Transformatsiya ekonomicheskikh sistem: teoriya i praktika*: avtoref. d-ra ekon. nauk [Transformation of Economic Systems: Theory and Practice. Abstract of Economics Dr. Diss.]. Moscow, 2010. 54 p.
2. Zubenko S.A. Essence of transformation in regional social-economic system. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2008, no. 12 (68), pp. 495–499. (In Russian).
3. Ivleva G.Yu. *Transformatsionnyy tsikl i strukturnaya perestroyka ekonomiki Rossii: novaya model' makroekonomicheskogo regulirovaniya* [Transformational cycle and restructuring of the Russian economy: a new model of macroeconomic regulation].

- In: Kushlin V.I. (ed.) *Krizis i strukturnaya transformatsiya ekonomiki Rossii* [Crisis and structural transformation of the economy of Russia]. Moscow: Izd-vo RAGS Publ., 2010, pp. 66–86.
4. Lokosov V.V. *Stabil'nost' obshchestva i sistema predel'no-kriticheskikh pokazateley ego razvitiya* [The stability of society and the system of maximum critical indicators of its development]. Available from: <http://ecsocman.hse.ru/data/948/712/1217/010LOKOSSOV.pdf>.
 5. Martynov A. On the updated concept of economic transformation. *Obshchestvo i ekonomika – Society and Economics*, 2011, no. 4–5, pp. 5–36. (In Russian).
 6. Kornai Ya. *Sotsialisticheskaya sistema: politicheskaya ekonomiya kommunizma* [The Socialist System: The Political Economy of Communism]. Moscow: Voprosy ekonomiki Publ., 2000. 671 p.
 7. Stepanova S.V., Tolstoguzov O.V. Transformation of the regional socio-economic system: a conceptual model. *Trudy Karelskogo nauchnogo tsentra RAN – Transactions of Karelian Research Centre of Russian Academy of Science*, 2013, no. 5, pp. 12–21. (In Russian).
 8. Martishin E.M. Strategy patterns of socio-economic evolution: the general and the specific. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.A. Nekrasova – Nekrasov Kostroma State University Bulletin*, 2012, no. 6, pp. 148–153. (In Russian).
 9. Nelson R.R., Winter Si.G. *Evolyutsionnaya teoriya ekonomicheskikh izmeneniy* [Evolutionary Theory of Economic Change]. Translated from English. Moscow: Delo Publ., 2002. 536 p.
 10. Suspitsyn S.A. Evolution of the territorial Siberian structure in the genetic economics scenario. *Interespo Geo-Sibir'*, 2014, vol. 3, no. 1, pp. 29–39. (In Russian).
 11. Tolstoguzov O.V. Mezhdistsiplinarnaya ekspertiza obosnovannosti strategiy razvitiya regiona [Interdisciplinary examination of the validity of the regional development strategy]. *Ekonomika i upravlenie – Economics and Management*, 2012, no. 1 (75), pp. 31–35.
 12. Novikov A.N., Novikova M.S. Regional Specifics of South-East Transbaikalia Boundary Location. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Estestvennye Nauki – Proceedings of Kazan University. Natural Sciences Series*, 2008, vol. 150, book 3, pp. 229–240. (In Russian).
 13. Zhabrev A.A., Mezhevich N.M., Leont'eva A.N. The development of cross-border cooperation as a goal and a set of tasks for strategic development of the North-West of Russian Federation. *Pskovskiy regionologicheskij zhurnal*. 2011, no. 12, pp. 3–9. (In Russian).
 14. Morachevskaya K.A. Frontier or periphery location as factors of socioeconomic development of the Russian regions bordering on Belarus. *Regional'nye issledovaniya*, 2010, no. 4 (30), pp. 61–69. (In Russian).
 15. Bolychev O.N., Mikhaylov A.S. Network Transformations in Economy. *Baltiyskiy region – The Baltic Region*, 2014, no. 3 (21), pp. 41–55. (In Russian).
 16. Gray B. Conditions Facilitating Interorganizational Collaboration. *Human Relations*, 1987, vol. 38, no. 10, pp. 911–936. DOI: 10.1177/001872678503801001
 17. Möller K.E., Svahn S. Managing strategic nets: A capability perspective. *Marketing Theory*, 2003, vol. 3, no. 2, pp. 201–226. DOI: 10.1177/001872678503801001

Received: 11 February 2015